

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Н.Н. Крадин

Крадин Николай Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, профессор факультета политологии и права Дальневосточного государственного технического университета (Владивосток).

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 97-01-00533).

ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ. Современная политика своими корнями уходит в далекое прошлое, а определенные формы социальности можно проследить даже в сообществах высших животных. Научная дисциплина, которая занимается изучением политико-властных отношений в досовременных (и больше — в доиндустриальных) обществах, называется политической антропологией. Она созрела в лоне антропологической науки. В самом широком смысле антропология (от греч. антропос — человек) — это совокупность научных знаний о природе человека и его деятельности. Интеллектуальным предшественником современной антропологии был философский антропологизм XVIII–XIX вв., согласно которому только исходя из человеческой сущности можно разработать систему представлений о природе, обществе, познании (Л.Фейербах, М.Шелер, Ф.Ницше, Н.Чернышевский и др.). Однако уже изначально антропология мыслилась шире, чем просто философское осмысление проблем человеческой сущности. Помимо антропологизма, в ее состав включались и другие дисциплины и концепции.

Со второй половины XIX в. понимание антропологии изменилось. Накопление научной информации неизбежно вело к дифференциации гуманитарного знания, к формированию на его стыках все новых дисциплин. В то же время из-за ограниченности источников по истории бесписьменных архаических народов такие отрасли знания, как этнография, физическая антропология (или естественная история человека), археология, не могли существовать одна без другой. Это обусловило не столько их дифференциацию (хотя в некоторых странах, в т.ч. и у нас, они считаются самостоятельными науками), сколько интеграцию в единый комплекс. Не случайно в XIX в. антропологию нередко называли “этнологией”. В то же время, к сожалению, философско-антропологическая проблематика постепенно оказалась выведенной за рамки собственно антропологии.

В настоящее время антропологическую науку, как правило, подразделяют на две большие части: физическую и культурную (или иначе — социальную) антропологию. Первая изучает физическое строение человеческого тела и антропогенез (т.е. проблему происхождения и формирования физического типа человека). Вторая представляет собой блок самостоятельных дисциплин (археология, лингвистика, фольклористика, этнография и, наконец, собственно культурная или социальная антропология), рассматривающих в целостности культуру того или иного народа.

В самом широком смысле культурная антропология изучает хозяйственный быт, социальные системы, обычаи и идеологические представления архаических народов. Нередко понятия культурная и социальная антропология употребляют как синонимы (первый термин используется, в основном, в США, второй — в странах Западной Европы, особенно в Великобритании). Однако между ними есть некоторая разница. Если британские антропологи рассматривают культуру как составную часть человеческого общества, то их заокеанские коллеги, вслед за Л.Уайтом, полагают, что социальность присуща не только людям, но и высшим животным. “Именно культура, а не общество выступает в качестве отличительной особенности человека; научное исследование этой особенности должно быть названо скорее культурологией, чем социологией”(46, с.116).

Исторически сложилось так, что антропологи по преимуществу занимались изучением и реконструкцией образа жизни бесписьменных (“доисторических”) народов. В то же время антропология не прервала связи с другими общественными науками. Не случайно многие исследователи определяли социальную антропологию как “отрасль социологии, изучающую примитивные общества”; а впоследствии появились такие специализированные подразделы культурной антропологии, как экономическая и юридическая, дополняющие классическую политическую экономию, а также историю государства и права; наконец, сформировалась особая, пограничная с политическими науками, дисциплина — политическая антропология. В отечественной литературе ее иногда называют “потестарно-политической этнографией” (от лат. *potestas* — власть), или “этнополитологией”.

Предметом изучения политической антропологии являются механизмы и институты власти и социального контроля преимущественно в доиндустриальных обществах. Расшифровывая эту сжатую формулу, можно определить указанный предмет как совокупность институтов контроля и власти в доиндустриальных обществах, структура данных институтов и их сравнительная типология, анализ причин и факторов преобразования одних форм в другие, проблемы адаптации, инкорпорации и трансформации традиционных механизмов контроля при переходе к современным политическим системам (28; 15; 17; 29) [1](#).

Можно сказать, что политическая антропология — это, в известной степени, история власти: история преобразования одних форм и механизмов социального контроля в другие. В рамках отечественной традиции такое определение нагружено особым смыслом, так как дисциплины и их подразделения, специализирующиеся на прошлом властных структур (история первобытного общества, история древнего мира, этнография и т.д.) у нас принято относить к комплексу исторических наук. Однако политическая антропология не является историей в полном смысле слова. История — наука о событиях, главная цель историка — хронологически связать свершившиеся события, воссоздав их общую картину. Задача политантрополога — несколько иная, его интересуют не события сами по себе, а структуры и социально-политические системы. Поэтому, если и относить, согласно распространенной в отечественной науке традиции, политическую антропологию к историческому “домену”, то это не совсем история, а скорее то, что называют “социальной историей” или “исторической антропологией”(10).

Политическая антропология — это дисциплина, которая граничит не только с историей, но и с политологией. В то же время было бы неправильно определять политическую антропологию как раздел политологии, специализирующийся на изучении “примитивных” обществ. Политическая антропология и политология различаются между собой методами исследования.

Методы этой последней являются, по большей части, правовыми, бихевиористскими, дескриптивными или эмпирическими, количественными. Они направлены главным образом на анализ обезличенных формальных институтов, процессов, поведения индивидов и групп, а также отношений (таких, как власть, политическая система и др.). Методы политической антропологии ближе к методам этнологии (и даже этологии). Полями их применения становятся не только институты и процессы, но и идеальные, символические формы (ритуалы, стереотипы, знаки). Это обусловлено тем, что в объектах антропологического исследования (первобытных и традиционных структурах) отсутствует привычное деление общества на “базис” и “надстройку”, на экономику и культуру, социальную систему и политику. Следовательно, антропология рассматривает структуры и механизмы контроля как некие целостные, нерасчлененные и символические системы.

Может показаться, что по мере постепенного вытеснения первобытного и традиционного образа жизни вроде бы исчезает и предмет исследования антропологии. Однако это не совсем так. Во многих постколониальных и развивающихся обществах, а также в обширных пространствах постсоциалистического мира традиционные социальные (например, патрон-клиентные) отношения продолжают играть большую роль; осмысление

экономических, социальных, культурных и политических процессов в данных обществах обязательно должно учитывать наличие указанных отношений.

Вместе с тем антропологические подходы, которые отличаются от методов, используемых в других общественных науках (политэкономии, социологии, политологии и т.д.) и схожи с методами этнологии (например, наблюдение), имеют большие перспективы и при изучении современности. Их применение к индустриальным и постиндустриальным обществам показало свою эффективность. Поэтому родились такие специализированные подразделения современной антропологической науки, как урбанистическая (т.е. антропология городов), антропология детства, феминистическая антропология, антропология национальных меньшинств и т.д.

Политическое поведение и власть в доиндустриальных обществах. Политическая антропология не случайно автономна от политологии. Дело в том, что законы функционирования механизмов власти в доиндустриальных и индустриальных обществах принципиально отличны. Это обосновал еще К.Маркс. Он показал, что в условиях капитализма каждый человек выступает как обособленный индивид, отношения между людьми принимают форму товарно-денежных связей, а эксплуатация имеет экономический характер. В доиндустриальных же социальных системах каждый человек предстает как элемент какого-либо стабильного коллектива (общины, рода, касты, военно-иерархической организации и пр.), а отношения между людьми выступают в форме не вещных, а личных связей. Применительно к отношениям неравенства и эксплуатации — это внеэкономическое принуждение и власть.

Последующее изучение этнографами-антропологами экономики “примитивных” обществ подтвердило и дополнило данные положения. Выяснилось, что в данных обществах трудно отделить экономику от политики, они как бы “встроены” друг в друга, процессы производства, потребления и обмена опосредованы отношениями родства, пола, возраста, разнообразными ритуалами и пр. Исследователи пришли к выводу, что в первобытном обществе действует сложная система социально-экономических отношений, к которой не применимы основные принципы политэкономии капитализма (минимизация, выгода, конкуренция, рынок, товар и т.д.), поскольку многие ее составляющие не поддаются рациональному истолкованию.

Ярким примером этого является институт бигменов (англ. bigman), который изучен преимущественно по этнографическим данным Меланезии, Юго-Восточной Азии, Северной Америки. Бигменами становились, как правило, наиболее инициативные люди, которые выделялись своими разнообразными способностями, обладали физической силой и отличались трудолюбием, являлись хорошими организаторами и могли улаживать конфликты. Они были храбрыми воинами и убедительными ораторами, некоторым из бигменов приписывали даже особые магические способности, умение колдовать. Благодаря всему этому, непосредственно участвуя в производственном процессе, бигмены увеличивали богатство своих семей и общинных групп. Однако накопление богатства не вело само по себе к повышению социального статуса бигменов. Оно достигалось через механизмы престижной экономики: с одной стороны, через организацию массовых праздников, пиршеств, на которых накопленные богатства демонстративно раздавались или уничтожались, а с другой — через развитие обменных связей по горизонтали (реципрокация) и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок (41; 3)].

В качестве иллюстрации можно привести описание праздничной церемонии у индейцев острова Ванкувер (Канада). “Она состоит в периодическом распределении ее (личной собственности — Н.К.) среди приглашенных гостей, от каждого из которых ожидается возвращение этой вежливости соответствующими подарками в другом подобном же случае. Следующие подробности относятся к распределению собственности отдельными лицами между другими лицами их племени. Одежда обыкновенно дается мужчинам, игрушки и краски для лица — женщинам. Не менее двух одеял обыкновенно дается одному и тому же лицу за один раз. Иногда новое ружье разбирается, и ложе, замок и ствол раздаются различным лицам. Разрушение

известных родов собственности служит той же цели, как и ее распределение. Лодки, например, дарятся редко; в них делают дыру и топят их. Владелец показывает этим актом совершенное равнодушие к своей собственности; он отдает ее; он уничтожает ее, “сердце его очень сильно” (11, с.119–120).

Согласно традиции получивший дар должен отдарить дающего. Те, кто не может это сделать, попадает в определенную морально-психологическую зависимость от дарителя. У ненцев, например, на это счет есть пословица: “Дают подарки, глядят отдарки”. Эскимосы говорят, что подарки создают невольников, как кнуты — собак. Можно напомнить и русскую пословицу, согласно которой “нет ничего хуже, чем ждать, догонять и отдавать”. В основе данного явления лежит глубокий культурно-психологический феномен.

Подарок не являлся альтруистическим актом, так как обязательно предполагал компенсирующий акт в форме отдаривания. Причем наиболее существенной из трех составляющих дарообмена (давать, брать и отдавать) являлась последняя часть. Уклонение от нее могло привести к серьезным последствиям (например, изгнанию из общины, что равносильно смертному приговору). Субъектами обмена, как правило, выступают не отдельные индивиды, а коллективы или же индивиды, выражающие интересы какой-либо группы (к примеру, вожди), т.е. как бы аккумулирующие в себе силу данной группы. Система обмена дарами связывает коллективы непрерывно циркулирующими связями от группы к группе, от племени к племени и в то же время охватывает все этажи и сферы общества.

В целостном виде учение о “первобытной экономике” было сформулировано в работах французского антрополога и социолога М.Мосса о дарообмене и в трудах американских антропологов-субстантивистов (К.Полани, Дж.Далтон) (38; 39; 32). Эти исследования показали, что в архаических обществах дарообмен был универсальным средством установления отношений между индивидами. Причиной этого, согласно Моссу, является антропоморфизм — субъективизация внешнего мира, присущая сознанию первобытного человека. Он видел в подарке магическую силу, которая в случае его некомпенсации может повредить обладателю первоначального дара (вспомните сказку о Горе-злосчастье).

Таким образом, если в капиталистическом обществе господствуют вещные связи, то в докапиталистических — личные отношения. Если исходной “клеточкой” в первом случае является товар, то во втором — престижная экономика и дар.

ФОРМЫ ЛИДЕРСТВА В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ. Исследования этнографов-антропологов показали, что господствовавшие в эпоху Нового времени представления о первобытности (миф о “золотом веке” свободного дикаря или гоббсовская идея “войны всех против всех”) являются умозрительными абстрактными схемами, не имеющими под собой реальной почвы. В любом человеческом обществе действуют свои механизмы социального контроля и власти. Существуют разные теории эволюции систем лидерства и властных отношений в доиндустриальном мире. Одна из наиболее популярных моделей создана американским антропологом Э.Сервисом. Первой формой объединения людей, по его мнению, были локальные группы. Они имели эгалитарную (от фр. “egalité” — равенство) общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникают общины и племена. С образованием племен появились институт межобщинного лидерства и, возможно, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия — вождество (англ. chiefdom). Это сообщество, которое обычно состоит из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, где проживает правитель (вождь). В вождестве возникает социальная стратификация, рядовые общинники отстраняются от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием государства центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, города, цивилизация (42; 43; 5; 21 и др.). В некоторых работах исследователи предпочитают разделять уже сформировавшееся “индустриальное” государство (государство-

нацию) и государства доиндустриальной эпохи. Часто для последних вводят специальные термины — “архаическое” государство, “раннее” государство и т.д.

Схема еще одного американского исследователя — М.Фрида — включает четыре уровня развития: эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества, государство. В эгалитарных социумах существуют отношения реципрокации и половозрастная дифференциация; в ранжированных — появляются редистрибуция и основанная на престиже дифференциация, в стратифицированных — деление на статусы дополняется неравенством доступа к основным экономическим ресурсам. Наконец, на государственной стадии возникают классы, частная собственность и эксплуатация (35).

В отечественной науке длительное время господствовала марксистская схема пяти формаций, наиболее систематически изложенная Ф.Энгельсом в работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства” (1884). В ней первобытность была разделена на стадии “дикости” и “варварства”. В период варварства происходит переход к земледелию и скотоводству, создается “военно-демократическая” организация. Начиная с середины 60-х годов, отечественные исследователи стали пересматривать те или иные положения теории Энгельса. Была доказана несостоятельность тезисов о “матриархате”, об обязательном прохождении всех народов через родовой строй; выяснилось, что так наз. военная демократия не является универсальной формой перехода к государственности. Еще большим заблуждением оказалась сама “пятичленная” схема формаций, согласно которой все древние общества обязательно были рабовладельческими, а все средневековые — феодальными (20; 25; 14; 13; 2; 6 и многие др.).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА. Едва ли не самый дискуссионный в политических науках вопрос — образование государственности. Существует множество различных точек зрения на этот счет. В эпоху Нового времени возникла теория “общественного договора” (Т.Гоббс, Дж.Локк, Ж.-Ж.Руссо), согласно которой государство возникает как продукт внутреннего соглашения между людьми. Они передают часть своей свободы и права власти государству, чтобы обеспечить таким образом общественный порядок и неприкосновенность собственности. В XIX в. появилась “завоевательная” теория политогенеза (Л.Гумплович, Ф.Оппенгеймер, К.Каутский). Ее сторонники полагали, что первые государства возникли в результате воздействия внешнего фактора — завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и эксплуатации их победителями. В тот же период были созданы основы марксистского учения о классах и государстве, согласно которому государство представляет собой политическую машину для подавления господствующими классами трудящихся масс. В то же время были выдвинуты две основные модели вызревания государства. В экономических работах Маркса и в “Анти-Дюринге” Энгельса возникновение государства и классов описывается как процесс постепенной узурпации вождями своих управленческих функций, превращения первоначальных “слуг народа” в “господ над ним”. В “Происхождении семьи” Энгельс нарисовал иную картину политогенеза: развитие экономики приводит к росту прибавочного продукта, появлению имущественного неравенства и классов. Господствующие классы для охраны своей собственности изобретают государство.

В нашем веке продолжилось изучение проблемы возникновения государства. К.Виттфогель выдвинул ирригационную теорию политогенеза, согласно которой первоначальная государственность напрямую была связана с необходимостью строительства для общества крупномасштабных оросительных сооружений (47). Его взгляды развил Р.Карнейро, показавший, что генезис государства связан не только с ирригацией, но, главным образом, с ростом населения и увеличением конкуренции за ресурсы, что, в свою очередь, приводит к умножению числа конфликтов и войн. Единственный выход из этого — введение политической иерархии. Она, с одной стороны, закрепляет господство победивших в конфликтах групп, а с другой — интенсифицирует производство для разрешения демографических и экономических проблем (31). Еще одна популярная модель — торговая. Ее основная посылка основана на том, что торговые обмены на больших расстояниях являются важным компонентом увеличения власти правителей вождеств и ранних государств. Получая из-за границ своих владений редкие и диковинные товары, распределяя их, иерарх

контролировал редистрибутивную сеть в обществе, повышал свой престиж и увеличивал влияние на подданных (45; 34). Важную роль в оформлении государственного механизма играла идеология. Она узаконивала сложившееся статусное неравенство. “Выработка в людях примирения с системой господства и подчинения является, по-видимому, более важным моментом, чем экономическое или политическое насилие” (22).

В целом, как показали сравнительно-исторические исследования последних десятилетий, не существует единой и обязательной причины возникновения государства. На процессы политогенеза оказывали влияние самые разнообразные внутренние и внешние факторы: увеличение прибавочного продукта, совершенствование технологий, рост народонаселения, экология, война и завоевание, внешнее влияние и торговля, идеологический фактор и т.д. (33; 26; 44; 36; 14, Т.3, гл.1–2; 19; 2; 1 и др.).

Процесс становления государства мог, таким образом, осуществляться различными путями. Наиболее популярна точка зрения, согласно которой главных путей его развития было два: западный и восточный. Для первого характерно формирование общества с частной собственностью, с политическим равноправием граждан, с ограниченным законом правом государством. Наиболее ярко данная модель эволюции начала воплощаться в античных полисах. Некоторые исследователи прослеживают ее определенные признаки в обществах горских народов. Для “восточного” общества собственность имеет подчиненное значение, положение человека определяет его власть или место в иерархии управления. В таком обществе нет граждан, есть только подданные. В своей основе эта концепция тоже восходит к идеям Маркса и Энгельса (“Экономические рукописи 1857–1861 гг.”, “Анти-Дюринг”). Большой вклад в ее разработку внесли Г.В.Плеханов, Виттфогель, Л.С.Васильев. Позже на основе данной концепции появились более сложные многолинейные модели, с выделением восточного, западного, номадного (т.е. кочевнического), африканского, японского и иных путей эволюции (47; 6; 19; 23; 24; 1 и др.).

Еще одна популярная модель политогенеза основана на ином критерии. Ее создатели полагают, что направленность генезиса государства зависит от того, кто находится во главе общества. При этом можно выделить три самостоятельные варианта: военный, аристократический и плутократический. В первом случае захват политической власти осуществляется военными лидерами при поддержке военной организации, дружины. Этот вариант был характерен для большинства народов мира, например, для древних германцев, индейцев Северной Америки, банту Южной Африки. Во втором случае вожди сосредоточивали в своих руках руководство обществом и ограничивали доступ соплеменников к управлению и ресурсам (Полинезия, Гавайи). В третьем варианте во главе общества находились отдельные богатые индивиды (бигмены), которые постепенно преобразовывали свой авторитет в политическую власть (Меланезия) (8; 17, с.134–138).

СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВА (в трактовке политантропологии). Важным вопросом является определение характера первоначального государства. Согласно “интегративной” версии политогенеза (Сервис) архаическое государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми трайбалистский и вождеский порядки власти не могут справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т.е. священной) идеологии. По мнению сторонников “конфликтной” версии политогенеза (Фрид), государственность — это средство стабилизации стратифицированного общества, предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения (43; 35; 36; 9). Данная версия объясняет происхождение государства, исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и этнического доминирования.

Традиционно принято выделять три главных признака государственности: территориальное деление, налоги и формирование особого аппарата управления. Вне сомнения, это справедливо в отношении развитых современных государств. В то же время антропологи показали, что многие уже сформировавшиеся

доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редистрибуцией (перераспределением прибавочного продукта по вертикали) и налогами там очень условна. Наконец, не всегда можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства (16).

Поэтому вопрос о нижней хронологической границе государственности очень сложен. Современные исследователи опираются на большое число критериев, с помощью которых выявляется эволюция общества к государственной форме. С точки зрения сторонников “интегративного” подхода, самые яркие признаки возникшего государства — строительство крупных монументальных сооружений (храмов, гробниц, дворцов и т.д.), появление городов и письменности. К этим компонентам иногда добавляют демографический — численность и плотность населения. При этом подчеркивается, что вождество, как правило, объединяло десятки тысяч этнически однородных людей, в то время как в раннем государстве счет шел уже на сотни тысяч и миллионы человек из разных этнических сообществ и групп.

Сдвиги в социально-экономическом развитии сопровождались коренной трансформацией идеологической системы. Уже в поздней первобытности встречались зачатки сакрализации верховной власти. Стратификация была характерна не только для дольнего мира людей, она находила свое отражение в создании иерархии, пантеона богов. В раннегосударственном обществе эти процессы получили свое дальнейшее развитие. Правитель легитимизировал свое положение ссылкой на божественное происхождение его рода. Появляются тенденции к введению верховного единобожия или, позднее, к заимствованию мировых религий от более цивилизованных соседей. Это, с одной стороны, подтверждало сакральность и легитимность правителя, а с другой — благоприятствовало политической, культурной и этнической интеграции социального организма.

Следующее крупное отличие вождества от государства связано с качественными преобразованиями структуры управления. Зачаточные его элементы, помогающие верховному вождю, трансформируются в специализированный бюрократический аппарат, основанный на внеклановых связях и состоящий из многочисленных “профессионалов управления”. Со временем в самостоятельные институты выделяются органы насилия (дружина и армия, полиция, суд), идеологии (храмово-жреческий комплекс) и управления (различные канцелярии, административные и хозяйственные службы, контрольно— ревизионные органы и т.д.).

“Конфликтный” подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для разрешения различных внутренних противоречий. Одни исследователи (главным образом это относится к марксистским и марксистски ориентированным авторам) акцентируют внимание на том, что государство — это управляющая подсистема эксплуататорского, классового общества. Следовательно, помимо организационно-регулирующих обязанностей, государство главным образом выполняет функции по обеспечению эксплуатации правящими классами (стратами, группами) непосредственных производителей. Иными словами, государство отличается от вождества присутствием классовой эксплуатации и специализированных органов принуждения.

Другая группа исследователей смотрит на государство как на организацию, способную контролировать различные процессы (в т.ч. и конфликты) с помощью монополии на узаконенное использование силы. Первым в таком ключе к государству подошел еще М.Вебер, понимая его как аппарат, обладающий монополией на применение силы (7, с.318, 535–537). В настоящее время этой точки зрения придерживаются многие политантропологи.

Таковы в общих чертах самые важные различия между вождеством и государством. Однако необходимо иметь в виду, что провести четкую грань между этими стадийными этапами социокультурной эволюции, особенно когда речь заходит о конкретно-исторических исследованиях, очень сложно.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. Уже отмечено, что политическая антропология способствует пониманию политических процессов в обществах, подвергшихся колониальному влиянию. Как правило, изучение трансформации политической культуры таких обществ осуществляется в рамках различных концепций модернизации. В научном смысле модернизация — это процесс социально-экономического и политического преобразования традиционного общества в индустриальное, формирования либерально-демократических институтов, правового государства и гражданского общества. Однако познавательная ценность концепций модернизации в применении к доиндустриальным обществам ограничена, так как большая их часть основана на абсолютизации экономических и политических принципов капитализма. Процессы модернизации не реализуются автоматически. Очень часто цели прямого воздействия искажаются цивилизационными (как показала история Китая, исламских стран) или архаическими и традиционными особенностями трансформирующегося общества.

В самом широком смысле колонизация и начальная модернизация традиционных обществ привели к следующим последствиям, которые нельзя не учитывать при анализе происходящих в них сегодня политических процессов. Во-первых, “традиционный” и “бюрократический” (по М.Веберу) типы власти в принципе оказались несовместимыми. Во-вторых, давление “обезличенного” рационального бюрократизма колонизаторов и модернизаторов привело к деформации и даже кое-где к разрушению “традиционной” модели власти, ее десакрализации, к формированию “светской” по своей сути системы власти. В-третьих, складывается своеобразная “двойная” политическая культура, в которой параллельно с официальными институтами управления присутствуют и традиционные формы власти. Их сосуществование может принимать как мирный, так и антагонистический характер (в форме национально-освободительного и/или религиозного движения). В-четвертых, для колониального и постколониального общества характерно несовпадение его административно-территориального деления и границ с территориями традиционных племенных структур, что часто приводит к острым этнонациональным и межгосударственным спорам (28, с.188–189, 194; 17, с.190–222).

Имеет смысл проиллюстрировать вышесказанное некоторыми конкретными примерами того, как прямое перенесение современных политических институтов в развивающиеся общества приводит к результатам, прямо противоположным ожидавшимся (28; 40; 3; 4; 18 и др.). Так, одна из наиболее сложных задач любой колониальной и постколониальной администрации — комплектование управления. Практически в каждой стране высшая администрация столкнулась с дилеммой: ограничиться ли “косвенными” методами, оставив на местах традиционных местных вождей и старейшин, или перейти к более жесткому, “прямому” управлению территориями (12). Однако формальная отмена традиционных институтов власти (что было характерно, в частности, для стран “социалистической ориентации”) и рекрутирование чиновников из автохтонов, получивших начатки европейского образования, чаще всего не приносили желаемого результата. Бывшие вожди сохраняли высокий статус, а “назначенцы” из непривилегированных групп и тем более из чужаков, как правило, не пользовались авторитетом. С точки зрения общинников, носитель власти, во-первых, должен обладать ей “по праву”, т.е. по обычаю; во-вторых, законная власть должна действовать в соответствии с принятыми “испокон века” нормами и не нарушать привычного течения, уклада жизни; в-третьих, не учитывающий такие нормы поступок и тем более просчет представителя новой власти могли восприниматься общинниками как кара небес за нарушение заветов предков и даже как злое колдовство.

Другой пример. С точки зрения рационального поведения, ориентированного прежде всего на результат, значительный административный эффект позволило бы дать привлечение к управлению местной молодежи, которая всегда и везде инициативна, наиболее активно стоит за преобразования. Однако в реальности результаты могли оказываться как раз противоположными. В условиях доминирования системы возрастных статусов (особенно в Африке) молодежь, даже если и получала современное образование, не приобретала необходимого влияния в общине, и, следовательно, без применения дополнительного насилия не могла успешно выполнять административные функции.

В целом, как показывают исследования политантропологов, во многих современных постколониальных государствах административно-управленческая роль традиционной племенной аристократии по-прежнему очень велика. Даже если традиционные статусы и ранги отменялись декретами и устраивались выборы, то в органах власти оказывались либо те же самые представители племенной верхушки, либо их ставленники. Статус политического деятеля, по обычаю, во многом опосредован его местом в традиционной иерархии данного сообщества. Прослеживается определенная взаимозависимость между положением лица в партийно-государственном аппарате и его статусом в мужском союзе, в тайном обществе. При этом продвижение вверх по иерархии в одной системе, как правило, сопровождается повышением статуса в другой; лидеры традиционной системы иерархии, прямо не представленные в официальных институтах, нередко оказывают сильное влияние на принятие важнейших политических решений (4, с.218–219).

Искажение изначальных целей модернизации демонстрирует и результат прямого внедрения в традиционные общества западных либерально-демократических институтов. Многопартийная система, парламентаризм, разделение различных ветвей власти и т.п. — все это нередко вызывает неожиданные последствия, весьма нежелательные с точки зрения задач демократизации. Поскольку колониальные в недавнем прошлом общества сохраняют свою традиционную социальную ткань, партийные организации часто формируются на клановой, родоплеменной основе. Выборы в представительные органы власти в таких условиях основываются не на политических программах кандидатов, а на их принадлежности к тем или иным традиционным структурам.

Для примера можно сослаться на опыт выборов в парламент Папуа Новой Гвинеи в 1964 г. Количество кандидатов в каждом избирательном округе, как правило, соответствовало числу племенных или родовых групп, проживавших на этой территории. Предвыборные кампании организовывались в виде традиционных празднеств с обильной раздачей пищи и даров (27, с.51–78).

Нередко в электоральную борьбу вовлекаются большие массы людей, не имеющих элементарного демократического опыта. Она выливается в крупномасштабные межплеменные, межэтнические или межрелигиозные столкновения. Все это ведет к внутренней политической нестабильности, кризисам и политическим переворотам. В такой ситуации власть нередко видит единственный способ сохранить стабильность путем создания авторитарных — однопартийных, военных — режимов.

Для традиционных обществ в принципе не характерна идея разделения властей. Верховный правитель является единственным носителем сакрального статуса, все другие ветви власти воспринимаются как “нижестоящие”, как нежелательные и ненужные конкуренты не только самим этим правителем и его окружением, но и абсолютным большинством населения. Поэтому нередко во главе нового государства становится лидер харизматического толка, облеченный почти неограниченными полномочиями, а руководимая им партия превращается в государственную, монопольную.

Хорошо иллюстрируют эту ситуацию, например, практикуемые в ряде африканских государств обновленные формы традиционной клятвы верности. Преданность обещают уже не вождю племени, а партийному лидеру. (Например: “Я клянусь и обязуюсь... быть лояльным и верным Генеральному Секретарю партии” (4, с.227)). В известной степени схожие тенденции можно наблюдать ныне в некоторых бывших советских республиках Средней Азии.

Таким образом, многие механизмы и нормы политического поведения, свойственные традиционным обществам, продолжают функционировать и сегодня. Широко известны описания взяточничества, коррупции, протекционизма, кумовства в постколониальных обществах. Однако необходимо понимать, что они имеют там несколько иное, по сравнению с современным, содержание. Так наз. взятка восходит к традиционным институтам перераспределения и дарообмена, о которых уже говорилось. Она выступает не только, и не столько как “вознаграждение за

совершение определенных действий в интересах взяткодателя” — в современной юридической трактовке, но и как определенный, обязательный (обусловленный обычаем, традицией) символически-коммуникативный акт поведения. Без него последующее установление и поддержание отношений сторон не представляются возможными. Известны случаи, когда чиновники местного уровня в государствах третьего мира, пытаясь следовать либеральным нормам, отказывались брать подношения от просителей, не оказывали предпочтения родственникам в перераспределении статусов, ресурсов или каких-либо иных услуг. Это вызывало осуждение не только у их сородичей, но и у других лиц, так как нарушало сложившиеся обыкновения. Во многих традиционных обществах Африки, Азии и Океании существовали обычаи одаривания вождей и старейшин за посреднические функции в улаживании конфликтов. Высшая власть в новых независимых государствах нередко пыталась отменить данную практику, полагая, что чиновники “служат народу” и не должны преследовать личной выгоды. Однако рядовые общинники настаивают на сохранении прежних обычаев (вплоть до обращения в высшие органы власти), мотивируя это тем, что успех миротворческой акции прямо зависит от принятия дара посредником.

Еще один институт, рассматриваемый как пережиток племенного строя, — так наз. кумовство и местничество. В самом широком смысле — это практика протекционистского привлечения к управлению ближних и дальних родственников, земляков, которая сопровождается вытеснением с ключевых постов лиц, не состоящих с иерархом в родственных отношениях, т.е. чужаков. Было бы наивно отрицать, что такая практика изжита в индустриальных обществах. У нее глубокие биологические и культурные корни — деление на “свой”/“чужой”, стремление человека общаться в первую очередь и главным образом с родственниками, соседями, земляками. Практика кумовства и местничество имеет и важное идеологическое обоснование. Носитель власти в традиционном обществе всегда выступает не сам по себе, а как представитель, лидер определенной группы. Он воспринимается в качестве ее центра, фокуса священной силы, и должен доверить ее членам часть своих властных функций и привилегий. Не случайно обладателем “мандата Неба” на правление той или иной землей считался не конкретный правитель, а весь его род, его племя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что властвующие группировки в новых независимых государствах зачастую стремятся вытеснить с ответственных постов всех тех, кто не связан с членами этих группировок кровными, семейными, земляческими узами. Такому вытеснению особенно благоприятствует тоталитарная и авторитарная закрытость кадровой политики. Так, например, занятие поста первого секретаря КП Азербайджанской ССР Г.Алиевым привело к постепенному проникновению в руководящие органы власти республики его земляков из Нахичевани. Подобным образом осуществлялось “совершенствование” партийно-государственной номенклатуры Узбекской ССР при Ш.Рашидове.

* * *

Мощные пласты достаточно архаичных социально-политических институтов еще выходят на поверхность. Вероятно, в течение длительного времени они будут существенно влиять на политические процессы в странах с сильными традиционными укладами. Обновление веками складывавшейся политической культуры здесь не может не осуществляться медленно и болезненно. Не составят, очевидно, исключения в этом плане многие постсоциалистические страны, где клановые, трайбалистские, патрон-клиентные и другие подобные отношения не изживались органически, но фактически замораживались. В условиях, когда жесткая, сверхцентрализованная партийно-административная система оказалась практически разрушенной, в ряде новых государств СНГ и республик России эти факторы выступают на первый план, обуславливая многочисленные конфликты (27; 37 и др.). Именно поэтому в современных российских условиях такая дисциплина, как политическая антропология, приобретает особую значимость и актуальность.

1. Альтернативные пути к ранней государственности (отв. ред. Н.К.Крадин, В.А.Лынша). Владивосток, 1995.

2. Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. (отв. ред. А.В.Коротаев, В.В.Чубаров). Ч.1–2. М., 1991.
3. Балезин А.С. Африканские правители и вожди в Уганде. М., 1986.
4. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М., 1992.
5. Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству — чифдом). — “Народы Азии и Африки”, 1980, № 1.
6. Васильев Л.С. История Востока. Т. 1–2. М., 1993.
7. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
8. Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. Этнография и науки о государстве и праве. — “Вестник АН СССР”, 1984, № 10.
9. Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства. — Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.
10. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа “Анналов”. М., 1993.
11. Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. Харьков, 1924.
12. Зотова Ю.Н. Проблема косвенного управления в англоязычной западноафриканской историографии. — “Советская этнография”, 1973, № 6.
13. Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990.
14. История первобытного общества. Т. 2 — Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986; Т. 3 — Эпоха классовобразования. М., 1988.
15. Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография. — Исследования по общей этнографии. М., 1979.
16. Куббель Л.Е. “Формы, предшествующие капиталистическому производству” Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации. — “Советская этнография”, 1987, № 3.
17. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
18. Никитин М.Д. Британский колониализм в Уганде в 1894–1962 гг. (межцивилизационное взаимодействие). (Автореф. канд. дисс.) Саратов, 1994.
19. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. М., 1989.
20. Проблемы истории докапиталистических обществ (отв. ред. Л.В.Данилова). М., 1968.
21. Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. (отв. ред. В.А.Попов). М., 1995
22. Скальник П. Понятие “политическая система” в западной социальной антропологии. — “Советская этнография”, 1991, № 3. с.145.

23. Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти (отв. ред. Н.А.Алексеев). М., 1993.
24. Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм. — Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995.
25. Хазанов А.М. Военная демократия и эпоха классовобразования. — “Вопросы истории”, 1968, № 12.
26. Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы. — Исследования по общей этнографии. М., 1979.
27. Этнические аспекты власти. (отв. ред. В.В.Бочаров). СПб., 1995.
28. Balandier G. *Anthropologie politique*. P., 1967.
29. Bonte P., Sugita K. *Anthropologie politique: quelques travaux recents sur l'Etat*. — “La Penseé”, 1981, 1 217.
30. Brown P. Big Man, Past and Present: Model, Person, Hero, Legend. — “Ethnology”. 1990, Vol.XXIX, No 2.
31. Carneiro R. A Theory of the Origin of the State. — “Science”. 1970, Vol. 169 (3947).
32. Dalton J. *Economic anthropology and development: Essays on tribal and peasant economics*. N.Y., 1971.
33. *The Early State*. The Hague, 1978.
34. Ekholm K. *External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems. — The Evolution of Social Systems*. L., 1977.
35. Fried M. *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. N.Y., 1967.
36. Haas J. *The Evolution of the Prehistoric State*. N.Y., 1982.
37. Khazanov A.M. *After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States*. Madison, 1995.
38. Mauss M. *The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. L., 1954.
39. Polanyi K. *Primitive, archaic and modern economics*. N.Y., 1968.
40. *Political Anthropology* (ed. Schwartz M. et al.). Chicago, 1966.
41. *Private Politics: A Multi-Disciplinary Approach to 'Big-Man' Systems* (ed. M.van Babel, R.Hagestejn, P.van de Velde). Leiden, 1981.
42. Service E. *Primitive Social Organization*. N.Y., 1971.
43. Service E. *Origins of the State and Civilization*. N.Y., 1975.
44. *The Study of the State* (ed. H.J.M.Claessen, P.Skalnik). The Hague, 1981.

45. Webb M. The Flag Follows the Trade. An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation/ — Ancient Civilization and Trade (ed. J.Sabloff, C.Lamberg-Karlovsky). Albuquerque, 1975.

46. T White L. The Science of Culture. N.Y., 1949.

47. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957.

1 Англо-американский “Словарь политического анализа” определяет политическую антропологию несколько в иных — этнизированном и бихевиористском — ракурсах как “изучение институтов управления и соответствующей практики у этнических сообществ, в особенности в примитивных обществах и в обществах с племенным строем. Политическая антропология выясняет связь политического поведения с более широкой групповой культурой и исследует то, какими путями происходит развитие политических институтов и практики”. Далее указывается, что данные собственно антропологии, относящиеся к этническим факторам в политическом поведении, позволили политологам проверить свои теории на большом числе разнообразных незападных политических систем. (См.: 26 основных понятий политического анализа. — “Полис”, 1993, №1, с. 78) (Прим.ред.).